

дился в личных отношениях и переписке с русскими людьми и в русских государственных и домашних архивах накопились перво-классные материалы для его биографии. Наконец, именно в первой половине XIX в. в России возникло специфическое обостренное любопытство читателей к частной жизни всякого деятеля на поприще литературы или искусства прошлого или настоящего времени, а также к уяснению его взаимоотношений с обществом, его окружавшим. В 20-х годах достаточно ясно высказывался по этому поводу кн. П. А. Вяземский, в частности, в письме, помещенном в «Сыне отечества» 1823 г. Утверждая, что хотя «конечно, главное в жизни сочинителя есть сочинения его» и что «потомство по ним судит о человеке», Вяземский отмечал все же, что «любопытство наше не ограничивается одним познанием гласных деяний того, который имеет право на внимание наше. Мы хотим проникнуть в тайны его частной и сокровенной домашней жизни; не довольствуемся тем, что читаем его, но желаем некоторым образом подсматривать и подслушивать и, так сказать, делаться из потомков современниками мужей знаменитых». ⁴ Следует сказать, что западноевропейская и русская литература шли навстречу подобным запросам. Деятельность Вольтера как писателя подвергалась переоценке и осуждению, его сочинения могли вызывать негодование и даже «ужас», но интерес к его личности этим только повышался: каков он был на самом деле, в своей человеческой сфере, этот «фернейский злой крикун»? Опасения и запреты всякого рода не могли, разумеется, истребить память о том, что Вольтер как ни как был советником и корреспондентом многих видных государственных деятелей и даже царствующих особ своего времени. Это в какой-то мере оправдывало тогда — по крайней мере для цензурных инстанций и официальных лиц — интерес к личности Вольтера: если его некогда не чуждались «сильные мира сего», следовательно, общение с ним было не вовсе законопреступным. ⁵ Стоит иметь в виду, что еще в 20-е годы в России доживали свой век вельможи екатерининских времен, лично знавшие и помнившие Вольтера, а публикация его переписки только начиналась не только у нас, но и за рубежом. Как известно, именно по поводу изданной в 1836 г. переписки Вольтера с Де Броссом Пушкин сказал свои известные слова: «Всякая строчка великого писателя становится драгоценной для потомства. Мы с любопытством рассматриваем автографы, хотя бы они были не что иное, как отрывок из расходной тетради или записка к портному об отсрочке платежа». ⁶ Количество различных статей и заметок о Вольтере,

⁴ «Сын отечества», 1823, ч. 87, № XXXVII, стр. 164.

⁵ «Переписка Вольтера с имп. Екатериной II» почти одновременно вышла в Москве и Петербурге в пяти изданиях (1802—1803).

⁶ А. С. Пушкин, Полн. собр. соч., т. XII, Изд. АН СССР, 1949, стр. 75.